

УДК 82.091
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-114-124
<https://elibrary.ru/gwcmog>

Образ государственного человека в романах Л. Н. Толстого и Э. Троллопа (Алексей Каренин и Пантагенет Паллизер)

Гнюсова Ирина Федоровна

**к. филол. н., доцент кафедры общего литературоведения,
издательского дела и редактирования**

Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. irbor2004@mail.ru

SPIN-код: 1823-8837

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0552-8391>

ResearcherID: A-3053-2016

Статья поступила в редакцию 15.06.24

Одобрена после рецензирования 30.07.24

Принята к публикации 16.08.24

Информация для цитирования

Гнюсова И. Ф. Образ государственного человека в романах Л. Н. Толстого и Э. Троллопа (Алексей Каренин и Пантагенет Паллизер) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 114–124. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-114-124. EDN GWCMOG

Аннотация. В статье предпринимается попытка доказать, что восторженный отзыв Л. Н. Толстого о романе Э. Троллопа «Премьер-министр» в период работы над «Анной Карениной» был связан с тем, что Троллоп изображает в нем тип героя, схожий с образом Каренина, – государственного деятеля, обладающего умом и любовью к своему делу, но отличающегося невниманием к частной, человеческой стороне жизни. В статье показано, что герои проходят схожий путь эволюции. Испытания преобразуют их: и Пантагенет Паллизер, и Каренин остро ощущают драматизм своего положения и ищут поддержки. На разных этапах такую поддержку им оказывают героини: в обоих случаях авторы рисуют образ немолодой и некрасивой женщины, имеющей твердые убеждения и дающей советы своему спутнику. Однако духовное «пробуждение» героев длится недолго: и Паллизер, и Каренин терпят крах, перенимая ценности, которые еще недавно казались для них неприемлемыми. Делается предположение о том, что и Троллоп, и Толстой сохраняют сочувствие к своим героям: на это указывает желание Паллизера «приносить смиренную пользу» и образ ребенка, взятого Карениным на воспитание. Автор статьи предполагает, что Толстого мог привлечь в «Премьер-министре» глубокий и точный психологизм Троллопа, который детально прослеживает «механизм» преобразования нечувствительного героя. Русскому писателю могли быть интересны и традиции жанра политического романа: вслед за Троллопом, он пытается показать влияние политики на характер и духовную эволюцию человека. В заключение делается вывод о том, что точки пересечения между двумя образами государственных деятелей – еще одно свидетельство пристального внимания Толстого к английской литературе, которое во многом и сформировало концепцию самого «английского» его романа – «Анна Каренина».

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; Э. Троллоп; образ государственного человека; психологизм; политический роман.

Роман «Премьер-министр», впервые опубликованный в Англии в 1875–1876 гг., считается одной из вершин творчества Энтони Тrollope. В России произведение практически неизвестно и было переведено лишь единожды, в 1877 г. У романа, однако, нашелся знаковый читатель – Лев Толстой, который в январе 1877 г. оставил замечание в письме к брату: «Prime Minister прекрасно» (62, 302)¹. Толстой в это время работал над «Анной Карениной», и именно этот его роман будет наиболее часто сравниваться с различными произведениями Тrollope. «Премьер-министр» фигурирует среди них на удивление редко. В статье будет предпринята попытка обратить пристальное внимание на фигуру главного героя романа Тrollope – государственного деятеля Пантагенета Паллизера: психологический драматизм этого образа во многом сближает его с Алексеем Карениным.

Сопоставление этих двух персонажей вообще можно назвать общим местом в компаративистике, однако речь традиционно идет не о романе «Премьер-министр». Пантагенет Паллизер – сквозной герой «парламентского» цикла Тrollope, в который входит шесть произведений. «Премьер-министр» является пятым по счету, но молодой парламентарий действует уже в первом романе цикла – “Can You Forgive Her?”, что не совсем корректно переведено как «Виновата ли она?» при публикации в 1864–1865 гг. Одна из сюжетных линий этого романа имеет очевидные переклички с «Анной Карениной»: пылкая леди Гленкора выдана замуж за молодого политического деятеля Паллизера, который «был скучен, как государственный человек» и «еще скучнее в частной жизни» [Тrollope 1864–1865]. До этого героиня чуть не стала женой беспутного аристократа Борго Фицджеральда, которого продолжает любить и после свадьбы. Когда Борго возобновляет ухаживания за леди Гленкорой и склоняет ее к побегу, героиня признается во всем мужу. Но результат этой беседы противоположен аналогичной коллизии между супругами Карениными: Пантагенет Паллизер признает, что уделял Гленкоре мало внимания, отказывается от высокого поста и увозит жену в Швейцарию, восстанавливая семейное благополучие.

Явной параллели между сюжетами и образами двух романов был посвящен целый ряд исследований. Так, С. Э. Нуралова в обзорной монографии «Лев Толстой и викторианская литература» (2010) отмечает «общность способов художественного отображения» [Нуралова 2010: 48] в романах «Виновата ли она?» и «Анна Каренина». В. Г. Андреева в статье о романах Тrollope и «Анне Карениной» (2020) делает вывод о

«значительном влиянии английского писателя, его художественных образов и идей на Толстого» [Андреева 2020: 66]. Она также акцентирует внимание на фигуре Паллизера в романе «Виновата ли она?», «вне всякого сомнения, отмеченного Толстым, который наделил многими схожими чертами Алексея Александровича Каренина» [там же: 77].

Единственным исследователем, сосредоточившим внимание на отклике Толстого на роман «Премьер-министр», стал М. Д. Долбилов. В своей монографии (2023) он указывает на то, что фокус интереса Толстого мог быть направлен именно на фигуру Пантагенета Паллизера как политика: «Возможно, идеал аполитичного, совестливого и нелюдимого политика-аристократа, <...> был в числе достоинств романа, которыми тот заслужил толстовскую оценку» [Долбилов 2023: 340]. Исследователь, кроме того, указывает на целый ряд «тематических параллелей» и «перекличек в деталях» между романами «Премьер-министр» и «Анна Каренина». Наиболее яркой находкой является употребление Левиным, раздраженным суетой вокруг приезда Васеньки Весловского, английского слова *fuss* – «суматоха»: «Да что вы такой *fuss* делаете? Подать, что обыкновенно» (19, 143). То же самое слово в оригинале использует Паллизер, когда сердится на жену, негодуя, «что в свете осталось так мало простоты, что человек не мог угощать своих друзей без всякой подобной суеты»² [Тrollope 1877]. Вполне обоснованно выглядят и другие «интертекстуальные референции» к роману Тrollope, которые находит М. Д. Долбилов в «Анне Карениной»: и «сложная интрига по поводу выборов, выигрываемых в конце концов несколькими голосами», и «глава об изгнании хозяином гостя из дома» [Долбилов 2023: 340].

М. Д. Долбилов, однако, не уделяет специального внимания основной психологической коллизии тrolloповского романа, связанной с образом Пантагенета Паллизера, который против воли вынужден был стать «праздным премьер-министром» [Проскурнин 1992: 57] и, как указывает Б. М. Проскурнин, «из чудака... превратился почти в трагическую фигуру, в жертву» [там же: 54]. Схожий драматический путь – от черновых вариантов к итоговому тексту – проходит и Алексей Александрович Каренин. Представляется, что сопоставление этих образов дает возможность по-новому взглянуть на толстовского героя и его драму не только как обманутого мужа, но и как государственного деятеля и даже политика. Подобно Паллизеру, Каренин внезапно оказывается перед фактом фатального одиночества человека, облеченного властью, и разрушительного

влияния той мнимой жизни, той официально-государственной реальности, которая постепенно подчиняет себе настоящую жизнь человека и определяет его судьбу.

Оговоримся сразу, что данное исследование может иметь лишь сравнительно-типологический характер. Судя по письму брату, датированному 10 или 11 января 1877 г., Толстой читал роман «Премьер-министр» незадолго до этого – вероятнее всего, в начале января 1877-го или во второй половине декабря 1876 г. Н. К. Гудзий указывает, что «в середине декабря Толстой лично отвез в Москву Каткову новые главы романа, заканчивавшие пятую часть» (см. (20, 623)), – можно предположить, что тогда-то писатель и приобрел новый роман Тrolлопа. Несомненно одно: Толстой читал роман в оригинале – на это указывает наличие в его библиотеке издания 1876 г. на английском языке.

Таким образом, к моменту знакомства с «Премьер-министром» образ Каренина был почти полностью раскрыт – оставался лишь эпизод разговора с Облонским и совместное их участие в спиритическом сеансе. Следовательно, нет достаточных оснований для того, чтобы говорить о каком-либо влиянии центрального образа «Премьер-министра» на создание характера Каренина. Тем не менее налицо общность концепции образов: и Толстой, и Тrolлоп одинаково показывают внутреннюю эволюцию крупного деятеля, посвятившего жизнь рутине государственных дел и внезапно столкнувшегося с «самою жизнью».

На этом пути каждый из героев проходит несколько схожих этапов. Первый из них – безмятежное спокойствие Паллизера и Каренина, углубленность в служебную деятельность и одинаковое равнодушие к личному и житейскому. Кризисная ситуация вызывает их неожиданное и болезненное «пробуждение»: оба испытывают смятение, осознают свою уязвимость перед обстоятельствами. За этим следует этап, когда каждый герой обретает духовное величие, пытается следовать своим убеждениям, презрев осуждение окружающих. Но итогом в обоих случаях становится разочарование, выбор ложного пути, заблуждение и духовное омертвление.

В начале «Премьер-министра» параллель между героями не столь очевидна, поскольку герой, уже знакомый читателю по романам «парламентского» цикла, сразу оказывается в ситуации кризиса. Джеймс Кинкейд указывает на то, что «сквозные» персонажи писателя не одинаковы в разных произведениях: они всегда «служат особым и уникальным требованиям романа, в котором появляются», «могут видоизменяться или даже трансформироваться» [Kincaid 1977]. Действительно, в первых главах «Премьер-

министра» перед читателем предстает уже не тот невозмутимый, довольный собой молодой государственный деятель, который фигурировал в романе «Виновата ли она?». Пантагенет Паллизер всё так же неутомимо трудолюбив, но во главу угла Тrolлоп ставит теперь не его политическое честолюбие, а сомнение в своих способностях. Если в первом романе цикла герой мечтает о высокой должности, то теперь, получив пост премьер-министра, он «более чем сомневался». Главной причиной тому становится необходимость соприкосновения с жизнью людей, выход из привычного круга государственных дел: Паллизер «беспрестанно повторял себе, что в нем не доставало благородной способности вызывать поддержку и повинование от других. С предметами и фактами он справиться мог, но люди еще не были для него доступны» [Тrolлоп 1877].

Меняется и отношение Паллизера к жене. Если в первом из «парламентских» романов он был равнодушно «убежден, что в семейной его жизни все обстоит благополучно» [Тrolлоп 1864–1865], то в «Премьер-министре» леди Гленкора является самым близким ему человеком. «До сих пор я никогда не обращал внимания на твои насмешки, Кора, но теперь чувствую, что мне нужно твое сочувствие» [Тrolлоп 1877], – с грустной улыбкой говорит он жене, узнав о приказе явиться в Виндзорский дворец для высокого назначения. Обида Гленкоры из-за отказа сделать ее гофмейстериней вызывает у него искреннее страдание: «ее горесть или ее неудовольствие совершенно его расстраивали» [там же]. Это-то мягкосердечие Паллизера – как в семейной жизни, так и в государственных делах – и становится новой доминантой его характера в пятой части «парламентского» цикла.

Столь радикальная смена акцентов характерна и для романа «Анна Каренина», если сравнить его черновые варианты с окончательной версией. Правда, происходит она в обратном направлении. В первых набросках муж главной героини очень напоминает Пьера Безухова: он «имел... несчастье носить на своем лице слишком ясно вывеску сердечной доброты и невинности. Он часто улыбался улыбкой, морщившей углы его глаз, и потому еще более имел вид ученого чудака или дурачка...» (20, 20). Б. М. Эйхенбаум замечает, что в этот период работы над романом «симпатии автора были... на его [Алексея Александровича] стороне» [Эйхенбаум 2009: 643]. Введение образа Левина меняет «расстановку сил»: Толстому больше не нужен положительный герой в лице Каренина, и он превращается в «типичного чиновника-бюрократа» [там же: 644].

Таким образом, в начале романа перед нами также образ, подвергшийся авторской перера-

ботке: ключевыми характеристиками Каренина теперь становятся «холодная самоуверенность» и неизменный «тон насмешки». Этот тон отдаленно перекликается с ключевым свойством характера Гленкоры – «способностью к насмешливости» [там же: 1877]. Однако схожие акценты сделаны писателями с противоположной целью. Ироничность Гленкоры подчеркивает ее искренность и живость, тогда как шуточный тон Каренина выдает ту же неуверенность в себе, которую испытывает и новоявленный премьер-министр Троллопа.

Поведение Каренина в начале романа можно назвать в какой-то степени театральным: не умея выразить удовольствия от встречи с женой, он произносит романтически возвышенные фразы, контрастирующие с его «холодной и представительной фигурой»: «...Нежный муж, нежный, как на другой год женитьбы, сгорал желанием увидеть тебя» (18, 110–111). Герой будто бы и сам осознает, что неспособен вести себя естественно: он произносит это «тоном насмешки над тем, кто бы в самом деле так говорил» (18, 111).

Истинных чувств Каренина писатель не показывает и в следующей сцене, где герой собирается предостеречь жену от неосторожного поведения в свете. «...Он испытывал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидевший, что этот мост разобран и что там пучина» (18, 151), – эти аналитические рассуждения принадлежат не герою. Каренин еще не осознает, что с ним случилось, – отсюда его хождение по кругу, физическое и мысленное. Он только ощущает «беспокойство и тревогу» и желает «обдумать, решить и отбросить», то есть прекратить нехарактерное для него погружение внутрь себя и в душевное состояние жены.

Стоическое умение закрываться от катастрофических жизненных обстоятельств сохраняется у Каренина на протяжении долгого времени. Толстой показывает своеобразную внутреннюю раздвоенность героя: тот «знал несомненно, что он был обманутый муж, и был от этого глубоко несчастлив» (18, 213), и в то же время «ничего не хотел думать о поведении и чувствах своей жены, и действительно он об этом ничего не думал» (18, 212). Только признание Анны производит эффект «прорвавшейся плотины». Каренин наконец осознает, что он чувствовал всё это время: его мучили «сомнения и страдания ревности» (18, 294).

Эти страдания, мучительное чувство уязвимости и жалости к себе открывают для окружающих новую сторону личности бесстрастного государственного деятеля. В «Анне Карениной» са-

мый яркий эпизод, демонстрирующий это, связан со словом «пелестрадал» (18, 384), которое героиней, запутываясь от волнения, произносит в разговоре с Анной. В романе «Премьер-министр» Паллизер выказывает обостренную чувствительность и неуверенность в себе, когда вынужден распределять министерские посты: «Для меня приниматься за это, не чувствуя себя способным к этому труду, ...похоже на святотатство» [Троллоп 1877].

Растерянность Паллизера от свалившейся на него ответственности кажется парадоксальной, если вспомнить, что, как и Каренин, он признан всеми одним из самых способных государственных деятелей. В романе «Виновата ли она?» автор с ироничной торжественностью представляет своего героя читателям, заявляя, что «мистер Паллизер был одним из тех политиков, обладанием которых Англия, пожалуй, может гордиться с большим основанием, чем прочими своими ресурсами» [Trollope 1864–1865]. Однако смятению героя в романе «Премьер-министр» есть объяснение. Высокая должность является, как он сам понимает, чисто номинальной: политически нейтральная фигура Паллизера необходима лишь для того, чтобы временно соединить противоборствующие партии в коалицию. Страдания героя связаны еще и с осознанием собственной ненужности: «...Как ничтожно положение, как оно низко, как противно той высокой идее об общественном труде, которая до сих пор была главной пружиной всей его жизни!» [Троллоп 1877].

Б. М. Проскурнин, анализируя «Премьера-министра» как образец политического романа, указывает, что причина терзаний Паллизера – «его резкое расхождение с системой нравственных и моральных ценностей викторианского общества» [Проскурнин 1992: 54]. Это расхождение подчеркивает и центральный образ второй сюжетной линии – Фердинанд Лопец, беспринципный и холодный интриган без средств к существованию, который сумел поставить себя так, что был принят в высшем свете и даже завоевал доверие леди Гленкоры. Лопец становится воплощением пустоты людей, с которым вынужден взаимодействовать Паллизер. Именно Лопец оказывается в центре внимания на пышных приемах леди Гленкоры, а премьер-министр вынужден скрываться в своем кабинете или укромном углу зала.

В этой ситуации Лопец почти становится героем-двойником Паллизера, воплощая собой то, чего ожидали от нового премьер-министра, – исключительно внешнего блеска и светской опытности без погружения в государственную службу³. Толстой, приближая семейный кризис Каре-

ниных к кульминации, также окружает своего героя системой «зеркальных» персонажей, которые могли бы подтолкнуть его к «пробуждению». Один из них – «знаменитый петербургский адвокат» (18, 385), беседа с которым демонстрирует Каренину своего рода обратную сторону его государственной деятельности. «Каренин “велик”, а адвокат “ничтожен”, но оба они принадлежат к одной и той же официальной сфере, – пишет Э. Г. Бабаев. – Каренин считал, что пишет законы “для других”. Адвокат мог действовать лишь применительно к этим законам, когда Каренин решил воспользоваться ими “для себя”» [Бабаев 1978: 84–85]. Впрочем, Каренин еще не чувствует этой параллели: адвокат и его предложения лишь вызывают у него отвращение.

Однако в этой части романа у героя обнаруживается дополнительный «двойник»: этот некто Стремов, «один из влиятельных людей Петербурга» (18, 311), который принадлежит к кружку Бетси Тверской и, очевидно, не отличается высокими моральными принципами. Стремов одерживает верх над Карениным, притворившись его сторонником: он «с жаром не только защищал приведение в действие мер, предлагаемых Карениным, но и предлагал другие крайние в том же духе» (18, 390). Стремов – тот же тип самоуверенного выскочки: для него главным является внешний эффект, а не суть вопроса, о которой так печется Каренин. Но наиболее важно в этой ситуации, что герой начинает ясно видеть окружающую его мелочность и пустоту: «Ему непонятно, удивительно было, как они не видали, что болтун, фразер Стремов менее всякого другого способен к этому» (18, 430).

Отметим попутно, что в этом небольшом эпизоде, посвященном интригам в сферах государственного управления, Толстой явно использует традиции английского политического романа – жанра, «в сюжетно-фабульной основе которого лежит политический конфликт, политическое единоборство» [Проскурнин 1992: 5]. Но при этом, как отмечает Б. М. Проскурнин, политический роман – это произведение не собственно о политике, а о «взаимодействии человеческой личности и политики» [там же: 6], и, более того, этот жанр предназначен «для раскрытия личностного преломления политического существования человека, так как в нем главенствует ситуация политического выбора» [Проскурнин 2000: 33]. К такому типу принадлежат и «парламентские» романы Тrolлопа. Если Толстой и не читал «Премьер-министра» к моменту создания четвертой части «Анны Карениной», он мог быть знаком с другими романами цикла: например, «Финиас Финн, ирландский член парламента» и

«Финиас Финн возвратившийся», которые вышли в русском переводе в 1869 и 1875 гг.

Традиция политического романа могла быть интересна Толстому уже в силу того, что на российской почве подобной жанровой формы еще не было⁴. В Англии она в чистом виде появилась только ближе к середине XIX в., когда стабилизировалась английская политическая система. К некоторым предпосылкам для зарождения жанра политического романа в России можно отнести разве что становление системы местного самоуправления в результате земской реформы – неслучайно эпизод губернских выборов имеет явные переклички с описанием парламентских прений у Тrolлопа.

Впрочем, в эпизоде с «делом об устройстве инородцев» традиции английского жанра гораздо более сильны: фактически они показывают Каренина не как чиновника, а как политика. Одновременно в этой части романа Толстой наиболее отчетливо следует за Тrolлопом, «главным объектом художественного осмысления которого был характер в его живой текучести, диалектике и динамике» [Проскурнин 1992: 21]. Телеграмма о назначении Стремова начинает новый этап эволюции Каренина – от мучительной растерянности он движется к мужественному принятию новых обстоятельств и одновременно к духовному возрождению. Неслучайно телеграмма застаёт его в пути: чтобы доказать свою правоту политическим противникам, герой решает сам разобраться в положении инородцев. Очевидно, это был экстраординарный поступок со стороны петербургского сановника (он «наделал много шума» (18, 391) в столице). Но еще более поразителен переход к практическому действию для самого героя. Если раньше «каждый раз, когда он сталкивался с самою жизнью, он отстранялся от нее» (18, 151), то теперь Каренин едет навстречу жизни – и симптоматично, что все-таки не исполняет задуманного и возвращается назад на полпути.

«Радостное чувство любви и прощения к врагам» (18, 434), которое ощущает герой у постели умирающей жены, становится высшей точкой его внутреннего преображения. На смену страданиям героя приходит «душевное спокойствие» и «духовная радость» (18, 440), он чувствует себя «совершенно спокойным и согласным с собой» (18, 441), и это удовлетворение вызвано тем, кто Каренин больше не отстраняется от людей, а, напротив, погружается в их чувства и нужды. Одновременно его перестает волновать осуждение окружающих: «Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света» (18, 436), – говорит он Вронскому.

Герой Тrollope не подвергается столь радикальной духовной трансформации, однако растерянность в нем также сменяется решительностью и гневом. Негодование Паллизера вызывает не только его положение «праздного министра», но и то, что его жена принялась делать вещи, которые претят ему самому, – обеспечивать публичность своего мужа, приглашая в дом множество гостей. «Намерение завоевывать друзей... посредством обедов и вечеров для меня гнусно, – в сердцах заявляет Паллизер. – Если это будет продолжаться таким образом, я сойду с ума» [Троллоп 1877]. При этом герой осознает, что, возможно, именно эта светская жизнь и должна стать его основной обязанностью: «Может быть, ...леди Гленкора... с ее обедами и приемами, ...скорее была первым министром, чем он. Может быть, это... понимали все, кроме него» [там же].

Гленкора, таким образом, – тоже двойник героя; фактически она даже становится его «политическим оппонентом». М. Д. Долбилов указывает, что тема «неформального влияния женщин в политической сфере» [Долбилов 2023: 340] – одна из важнейших в «Премьер-министре», и она также находит отражение в романе Толстого. В пример он приводит шуточную беседу в пятой части «Анны Карениной»: «Как бы графине Марье Борисовне – военное министерство, а начальником бы штаба княгиню Ватковскую...» (19, 85)

Гленкора же фактически, не в шутку, пытается «сама стать политиком» [Проскурнин 1992: 60], как пишет Б. М. Проскурнин. Вначале Паллизер просто старается уклониться от ее светских раутов, проводя большую часть времени в кабинете и гуляя по саду в одиночестве, но бесцеремонность многочисленных просителей не оставляет его и там. Стремясь оградиться от окружающей его пошлости, премьер-министр выбирает себе одну спутницу – леди Розину, «высокую, худощавую, зябкую старуху, не очень старую, может быть, лет пятидесяти, но казавшаяся десятью годами старше, очень меланхолического характера» [Троллоп 1877]. Этот странный выбор становится почти формой протеста: окружающие с изумлением думают, «уж не обладает ли леди Розина какою-нибудь своею собственной глубокомысленной политикой» [там же], но на деле Паллизер ведет со своей спутницей совершенно заурядные (и за счет этого контраста очень комичные) разговоры. Главное, чего жаждет герой в людях, – это искренность, а в леди Розине «не было притворства, и [ей] ничего не было нужно от него» [там же].

На короткий срок у Каренина тоже появляется неожиданная привязанность – объектом ее ста-

новится новорожденная дочь Анны, у колыбели которой он получает желанное спокойствие: «Он иногда по получасу молча глядел на спящее шафранно-красное, пушистое и сморщенное личико ребенка и наблюдал за движениями хмурящегося лба» (18, 441). Как и леди Розина в случае с премьер-министром Троллопа, младенец примиряет Каренина с действительностью: «в такие минуты... Алексей Александрович... не видел в своем положении ничего необыкновенного» (там же).

При этом оба героя в своих попытках найти что-то простое и истинное в невыносимой, грубой действительности осознают, что им не удастся от нее сбежать. Даже близкие люди не понимают их внутренней тяги к «смирному спокойствию» (там же). Каренин быстро ощущает «невозможность в глазах света его положения... и вообще могущество той грубой таинственной силы, которая, вразрез с его душевным настроением, руководила его жизнью и требовала... изменения его отношений к жене» (18, 447). То же чувство подчиненности чужой воле не оставляет и Паллизера. Источником напряжения становится, в числе прочего, самовластие леди Гленкоры, желание которой участвовать в политической жизни приводит к публичному скандалу: его провоцирует Лопец, получивший на выборах неофициальную поддержку жены премьер-министра, но так и не попавший в парламент. Гленкора признает свою вину, но характерен разговор между супругами вскоре после примирения: Паллизер просит жену «сделаться чувствительной» ради него, в ответ Гленкора заявляет: «А я желала бы сделать тебя толстокожим для самого тебя. Это единственный способ жить спокойно в таком грубом и пошлом свете» [Троллоп 1877].

В итоге внешнее давление на героев оказывается слишком сильно и в совокупности с новым источником страданий (отъезд Анны и Вронского в Италию и нападки газет на премьер-министра) приводит обоих героев в состояние меланхолической безысходности, мрачной неподвижности, почти безжизненности. Каренин пытается «иметь вид спокойный и даже равнодушный», но постепенно отчаяние овладевает им целиком: «опустив голову на стол, он долго сидел в этом положении, несколько раз пытался заговорить и останавливался» (19, 76). Паллизер меняется даже внешне: «у него начало появляться утомленное выражение старческого лица. Его редкие волосы стали седесть, а длинные, худые щеки сделались еще длиннее» [там же]. А главное – Гленкора замечает в нем странную апатию: «никакой особенный предмет не шевелил его энергии» [там же].

Это сонное, неподвижное состояние героев одинаково совпадает с остановкой в продвижении по служебной лестнице. Симптоматично, что сами они не замечают перемен: «все ясно видели это, но сам Алексей Александрович не сознавал еще того, что карьера его кончена. <...> Он еще занимал важное место, ...но он был человеком, который весь вышел и от которого ничего более не ждут» (19, 86). Подобная перемена наступает и в положении Паллизера: Гленкора замечает, что «старый герцог теперь говорил с ней не так часто о политическом положении ее мужа», а члены правительства «сохраняли с нею необыкновенную сдержанность»⁵ [там же].

И здесь Троллоп демонстрирует поразительную перемену в характере своего героя: в предчувствии возможной отставки Паллизер, долгое время убежденный в том, что «с ним случилось страшное бедствие, когда обстоятельства принудили его сделаться первым министром» [там же], начинает стараться всеми силами удержать свою власть. Он становится «самовластен и сердит» [там же], он принимает решения, пренебрегая советами сторонников. Гленкора осознает, что «обаяние власти овладевает им» [там же], и то же видит его наставник герцог Сент-Бёнгей: «Увы, увы! если бы мы ему позволили удалиться прежде, чем яд разлился по его жилам!..» [там же]. Однако автор указывает, что истинная причина этой перемены в поведении Паллизера – страх, что уход с самого высокого поста в государстве будет равносильным краху всей его жизни: он чувствует, что «или должен оставаться первым министром, или сделаться безмолвным, неизвестным или ничтожным человеком» [там же].

С Карениным происходит еще более страшная перемена: чувство всепрощения трансформируется в нем в косную самоуверенность, которая распространяется и на личные, и на государственные дела: он «каждую минуту думал, что в его душе живет Христос, и что, подписывая бумаги, он исполняет его волю». Если вначале он еще ощущает «ошибочность этого представления» (19, 82), то скоро желание «забывать о том, чего он не хотел помнить» (19, 92), преодолевает сомнения. Неслучайно последние сцены с участием Каренина Толстой дает со стороны – глазами Стивы Облонского. Читатель больше ничего не может узнать о внутреннем мире героя – показаны лишь «усталость и мертвенность» (19, 301) его лица, раздражение в разговоре об Анне и покровительственные рассуждения о религии в саркастически поданной сцене с французом-медиумом.

Характерно, что на этом финальном этапе «омертвения» героя у него тоже появляется спутница – графиня Лидия Ивановна. Однако

она занимает в эволюции Каренина принципиально иное место, чем леди Розина, которая даже не осознает своего влияния на жизнь премьер-министра. Лидия Ивановна, напротив, одержима стремлением спасти Каренина и предпринимает всё, чтобы обратить его в свою веру⁶. Обе героини, тем не менее, приносят своим спутникам желанное спокойствие, и это выдает еще одну общую черту Каренина и Паллизера – их тотальное одиночество, которое предстает как своего рода личная ущербность, душевный изъян. Оба они никогда не умели привязываться к живым людям. Паллизер по-своему искренне любит жену, но Троллоп не демонстрирует их взаимопонимания: на первом месте у леди Гленкоры оказываются свои цели и свои амбиции. Каренин был также привязан к Анне, но никогда не понимал ее.

Ложный путь, который выбирают в конце оба героя, неминуемо ведет их к личностному краху. После отставки Паллизер чувствует полное опустошение: «Что он будет делать теперь?.. Он боялся, что для него все кончено и что на всю жизнь он должен остаться просто герцогом Омниумом⁷» [там же]. Без своей службы герой оказывается никем, но и вернуться к ней он не может: пребывание на посту премьер-министра показало ему всю бессмысленность политической жизни.

Дж. Кинкейд полагает, что в этом и заключалась главная цель романа: показать «воспитание» четы Паллизеров: «Эти два человека... становятся высшей знатью; он – лидером величайшего в мире правительства, она – самым выдающимся и влиятельным общественным деятелем. Они движутся к самой сердцевине мира, и... ничего там не находят» [Kincaid 1977]. Именно поэтому линия Паллизеров выглядит почти бессюжетной на фоне наполненной интригами линии Лопеца. Впрочем, «Премьер-министр» – не последний в «парламентской» серии, и финальные слова Паллизера оставляют надежду на возрождение героя: «Я постараюсь выждать то время, когда опять буду в состоянии приносить какую-нибудь смиренную пользу»⁸ [Троллоп 1877].

Намек на возможность возрождения можно обнаружить и в последней части «Анны Карениной». Как и в «Войне и мире», на примирение с действительностью здесь указывают образы детей: Левин бежит в грозу спасти Кити и маленького сына, а графиня Вронская упоминает, что Каренин взял себе дочь Анны. Это единственное упоминание о герое в финальной части – не случайный акцент: он возвращает читателя к «чувству не только жалости, но и нежности» (18, 440), которое герой испытывал к новорожденной девочке, и позволяет надеяться на новый виток его эволюции.

Надежда эта выглядит еще более обоснованной, если обратиться к черновым вариантам романа: в ранних набросках сюжетная линия, связанная с мужем главной героини, завершалась на христианском прощении ее мужем. В более поздних вариантах, даже включающих влияние Лидии Ивановны, Каренин опять же показан более мягким и милосердным; он соглашается на развод и даже пишет об этом самой Анне. Но в 1877 г., при создании окончательного текста, происходит, как отмечает М. Д. Долбилов, неожиданное «окарикатуривание» [Долбилов 2023: 265] героя. Причины этого, по мнению исследователя, лежат во внехудожественной плоскости: трансформация образа Каренина стала откликом Толстого на общественно-политические события, связанные с наступающей войной с Турцией, и невиданный ажиотаж вокруг «славянского вопроса», который вызывал крайнее раздражение писателя. Писатель, по мнению М. Д. Долбилова, «избрал промежуточным объектом полемики великосветский евангелический пиетизм» [там же: 295] – еще одно увлечение высшего света, связанное с английским проповедником бароном Редстоком.

Однако этот новый Каренин, напоминающий «пародию на религиозного консерватора», по мнению исследователя, «не очень согласуется с предшествующими характеристиками Каренина-бюрократа – ...участника модернизационных мероприятий правительства, начатых Великими реформами» [там же: 360]. Получается, что Толстой, прописывая финальную стадию эволюции Каренина, невольно возвращается к жанру политического романа, в котором социально-политические веяния преломляются в отдельно взятой личности государственного человека. Но при этом он явно нарушает логику развития своего героя.

Изначально образ обманутого мужа был очень важен для Толстого, поскольку должен был играть роль морального противовеса поступкам главной героини. Когда замысел романа усложняется и возникает линия Левина, образ Каренина становится более пластичным: Толстой получает возможность придать ему дополнительную смысловую нагрузку. В итоге содержательный диапазон этой фигуры оказывается очень широк – недаром столь разнятся оценки, данные Каренину Анной: от «злой машины» до «святого». Но в целом образ героя сохраняет свой изначальный нравственный потенциал – неслучайно в нем присутствует очень много параллелей с Левиным: оба они оказываются перед дилеммой о прощении, оба переживают моральные терзания. Эта параллель указы-

вает на то, что Каренин, как и Левин, мог сохранить в финале открытые им истины и христианское смирение в противовес неимоверной сложности и тяжести жизни. Но логика развития героя как «государственной машины» возобладает: герой останавливается в своем духовном развитии. То, что Толстой сохраняет мотив взятого на воспитание ребенка Анны, остается лишь слабым откликом на аналогичное желание Паллизера «приносить какую-нибудь смиренную пользу». Этот усложненный образ героя свидетельствует о чуткости писателя к изменяющейся русской жизни и о трудности задачи, стоящей перед ним: изобразить государственного деятеля в иной, более сложной и неустойчивой, в сравнении с английской, реальности пореформенной России 1870-х гг.

Проведенное исследование позволяет с уверенностью утверждать: восхищенный отзыв Толстого о романе «Премьер-министр» был связан с тем, что Троллоп показывает в нем тип героя, схожий с образом Каренина, – государственного деятеля, обладающего умом, способностями и искренней любовью к своему делу, но отличающегося той же «несообщительностью», невниманием к частной, человеческой стороне жизни. Близка и логика развития героев: испытания, выпавшие Каренину и Паллизеру, постепенно преобразуют их. Безусловно, Толстого привлек глубокий и точный психологизм Троллопа, который детально прослеживает «механизм» преобразования нечувствительного героя, исследует диапазон душевных состояний такого же образа человека – «министерской машины» (18, 379). Толстому могли быть интересны и традиции политического романа в творчестве Троллопа: вслед за английским писателем он пытается показать влияние политики на характер и духовную эволюцию человека и точно так же приходит к неутешительным выводам. Близость образов государственного деятеля в двух романах можно считать еще одним свидетельством того пристального внимания Толстого к английской литературе, которое во многом и сформировало концепцию самого «английского» его романа «Анна Каренина».

Примечания

¹ Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Л. Н. Толстого [Толстой 1928–1958] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

² Роман Троллопа цитируется по дореволюционной публикации [Троллоп 1877], однако все цитаты сверены с оригинальным текстом [Троллоп 1875–1876].

³ Сюжет, связанный с образом Лопеца, содержит еще одну очевидную переключку с «Анной Карениной»: герой, попав в безвыходные обстоятельства, бросается под колеса поезда. Исследователями уже было отмечено, что «момент самоубийства описан почти совершенно теми же словами, что и в “Анне Карениной”»: герой Троллопа «тоже спускается на рельсы “быстрым, легким шагом”, точно и неторопливо выбирает место перед летящим паровозом» [Гордость и переизбрание 2017]. Интерпретация эта не совсем точна: если Анна перед самоубийством находится в сильном душевном смятении и принимает роковое решение почти спонтанно, то в поведении Лопеца на станции виден холодный расчет и даже обычная изворотливость. Он обманывает сторожа, утверждая, что ждет приятеля, и ходит «взад и вперед с улыбающимся лицом и развязною походкой» [Троллоп 1877].

⁴ В российском литературоведении предпринимались попытки доказать наличие политического или социально-политического романа и на русской почве: так, Б. А. Прокудин, К. В. Алексеев относят к ним произведения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и ряда писателей-разночинцев. Однако нам представляется более обоснованным традиционный термин «идеологический роман». Ему вполне соответствует и описание социально-политического романа, данное К. В. Алексеевым: «Главными признаками социально-политического произведения являются, во-первых, общественно-политическая цель, которую преследовал автор, создавая его, во-вторых, главная идея, которая должна иметь четкую социально-политическую направленность; в-третьих, какую роль сыграло или могло бы сыграть произведение в политической жизни общества» [Алексеев 2005: 78]. Очевидно, что эти характеристики совершенно не совпадают с определением английского политического романа, в центре которого находится не идеология, а человек.

⁵ Симптоматично, что оба героя теряют высокое положение не вследствие своих служебных ошибок или некомпетентности, а, наоборот, вопреки этим качествам: американский исследователь Дж. Хэлперин указывает, что отставка Паллизера происходит «не потому, что он потерял доверие страны, а потому что его отказ играть в обычные политические игры в конце концов оскорбил его коллег. Они устали от его прямоты. Он обидел их тем, что не мог быть легкомысленным и компанейским» [Halperin 1977: 231].

⁶ Отметим, что леди Розина в романе Троллопа представляет собой своего рода поздний вариант образа Лидии Ивановны: она «была замечательно религиозна, но это постепенно проходило по мере того, как она становилась старше. Стро-

гая суровость религии требует полной энергии средних лет» [Троллоп 1877].

⁷ Дворянский титул Плантагенета Паллизера.

⁸ Дж. Хэлперин, впрочем, убежден, что в финале романа Троллоп выносит приговор не своему герою, который фактически одерживает моральную победу над «изворотливыми и преуспевающими политиками», а всей современной ему политической системе: «Окончательный уход этого человека из политики после его моральной победы... является печальным комментарием к самой системе. Мы радуемся тому, что такие люди существуют, и видим, как сильно романист любит их; и в то же время мы видим, что происходит с ними, когда они попадают в мир других людей, в “реальный” мир политики» [Halperin 1977: 234, 244–245].

Список литературы

Алексеев К. В. Русский социально-политический роман: признаки, типология // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2005. № 1 (11). С. 78–81.

Андреева В. Г. Романы Э. Троллопа и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого: генетические и типологические сходства // Имагология и компаративистика. 2020. № 14. С. 62–89. doi 10.17223/24099554/14/3

Бабаев Э. Г. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. М., 1978. 158 с.

Гордость и переизбрание: о шести романах Энтони Троллопа о парламентаризме // Коммерсант Weekend. 21.07.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3352588> (дата обращения: 28.04.2023)

Долбилов М. Д. Жизнь творимого романа. От авантекста к контексту «Анны Карениной». М., 2023. 391 с.

Нуралова С. Э. Лев Толстой и викторианский роман. Ереван, 2010. 87 с.

Проскурнин Б. М. Английский политический роман XIX века: Очерки генезиса и эволюции. Пермь, 2000. 285 с.

Проскурнин Б. М. «Парламентские» романы Энтони Троллопа и проблемы эволюции английского политического романа. Пермь, 1992. 111 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.; Л., 1928–1958.

Троллоп Э. Виновата ли она? // Русское слово. 1864. № 5–9, 11. 1865. № 1–8. URL: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1865_can_you_forgive_her-oldorfo.shtml (дата обращения: 27.04.2023)

Троллоп Э. Первый министр. СПб., 1877. URL: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1876_the_prime_minister-oldorfo.shtml?ysclid=lgyunco2sp773781752 (дата обращения: 27.04.2023)

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

Halperin J. *Trollope and Politics: A Study of the Pallisers and Others*. The Macmillan Press Ltd, 1977. 328 p.

Kincaid J. R. *The Novels of Anthony Trollope*. Oxford: Clarendon Press, 1977. URL: <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/2.html#1a>, <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/6.html> (дата обращения: 4.05.2023)

Trollope A. *Can You Forgive Her?* London, 1864–1865. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/19500/pg19500-images.html#c24> (дата обращения: 21.04.2024)

Trollope A. *The Prime Minister*. London, 1875–1876. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2158/2158-h/2158-h.htm#c27> (дата обращения: 21.04.2024)

References

Alekseev K. V. Russkiy sotsial'no-politicheskiy roman: priznaki, tipologiya [The Russian socio-political novel: Features, typology]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin], 2005, issue 1 (11), pp. 78-81. (In Russ.)

Andreeva V. G. Romany E. Trollopa i 'Anna Karenina' L. N. Tolstogo: geneticheskie i tipologicheskie skhodstva [Novels by Anthony Trollope and Anna Karenina by Leo Tolstoy: Genetic and typological similarities]. *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], 2020, issue 14, pp. 62-89. doi 10.17223/24099554/14/3. (In Russ.)

Babaev E. G. 'Anna Karenina' L. N. Tolstogo [Leo Tolstoy's 'Anna Karenina']. Moscow, 1978. 158 p. (In Russ.)

Gordost' i pereizbranie: o shesti romanakh Entoni Trollopa o parlamentarizme [Pride and re-election: on Anthony Trollope's six novels about parliamentarianism]. *Kommersant Weekend*, 2017, July 21. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3352588> (accessed 28 Apr 2023). (In Russ.)

Dolbilov M. D. *Zhizn' tvorimogo romana. Ot avanteksta k kontekstu 'Anny Kareninoy'* [The Life of a Novel in the Making. From the Avant-Text to the Context of 'Anna Karenina']. Moscow, 2023. 391 p. (In Russ.)

Nuralova S. E. *Lev Tolstoy i viktorskiy roman* [Leo Tolstoy and the Victorian Novel]. Yerevan, 2010. 87 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. *Angliyskiy politicheskiy roman XIX veka: Ocherki genezisa i evolyutsii* [The Nineteenth-Century English Political Novel: Sketches of Genesis and Evolution]. Perm, 2000. 285 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. 'Parlamentskie' romany Entoni Trollopa i problemy evolyutsii angliyskogo politicheskogo romana [Anthony Trollope's 'Parliamentary' Novels and the Issues of the Evolution of the English Political Novel]. Perm, 1992. 111 p. (In Russ.)

Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [The Complete Works]: in 90 vols. Moscow, Leningrad, 1928–1958. (In Russ.)

Trollope A. Vinovata li ona? [Can You Forgive Her?]. *Russkoe slovo* [The Russian Word], 1864, issues 5–9, 11; 1865, issue 1–8. Available at: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1865_can_you_forgive_her-oldorfo.shtml (accessed 27 Apr 2023). (In Russ.)

Trollope A. *Pervyy ministr* [The Prime Minister]. St. Petersburg, 1877. Available at: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1876_the_prime_minister-oldorfo1876_the_prime_minister-oldorfo.shtml?ysclid=lgyunco2sp773781752 (accessed 27 Apr 2023). (In Russ.)

Eikhenbaum B. M. Lev Tolstoy. Semidesyatye gody [Tolstoy in the Seventies]. In: Eikhenbaum B. M. *Lev Tolstoy: issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Studies. Articles]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University, 2009. 952 p. (In Russ.)

Halperin J. *Trollope and Politics: A Study of the Pallisers and Others*. The Macmillan Press Ltd, 1977. 328 p. (In Eng.)

Kincaid J. R. *The Novels of Anthony Trollope*. Oxford, Clarendon Press, 1977. Available at: <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/2.html#1a>, <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/6.html> (accessed 4 May 2023). (In Eng.)

Trollope A. *Can You Forgive Her?* London, 1864–1865. Available at: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/19500/pg19500-images.html#c24> (accessed 21 Apr 2024). (In Eng.)

Trollope A. *The Prime Minister*. London, 1875–1876. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/2158/2158-h/2158-h.htm#c27> (accessed 21 Apr 2024). (In Eng.)

The Character of a Statesman in the Novels of Leo Tolstoy and Anthony Trollope (Alexey Karenin and Plantagenet Palliser)

Irina F. Gnyusova

Associate Professor in the Department of General Literary Studies, Publishing and Editing
National Research Tomsk State University

36, prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russia. irbor2004@mail.ru

SPIN-code: 1823-8837

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0552-8391>

ResearcherID: A-3053-2016

Submitted 15 Jun 2024

Revised 30 Jul 2024

Accepted 16 Aug 2024

For citation

Gnyusova I. F. *Obraz gosudarstvennogo cheloveka v romanakh L. N. Tolstogo i E. Trollopa (Aleksey Karenin i Plantagenet Pallizer)* [The Character of a Statesman in the Novels of Leo Tolstoy and Anthony Trollope (Alexey Karenin and Plantagenet Palliser)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 114–124. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-114-124. EDN GWCMOG (In Russ.)

Abstract. The paper aims to prove that Leo Tolstoy's enthusiastic review of Anthony Trollope's *The Prime Minister* during the period of work on *Anna Karenina* was due to the fact that Trollope depicts a type of character similar to the character of Karenin – a statesman with intelligence and love for his work, but characterized by inattention to the private, human side of life. The paper shows that the characters follow a similar path of evolution. The trials they have to go through transform them: both Plantagenet Palliser and Karenin acutely feel the drama of their situation and seek support. At different stages, such support is provided by female characters: in both cases, the authors portray an image of an elderly and unbeautiful woman who has strong convictions and gives advice to her companion. However, the spiritual 'awakening' of the characters does not last long: both Palliser and Karenin fail when they adopt values that until recently seemed unacceptable to them. The paper suggests that both Trollope and Tolstoy retain sympathy for their characters: this is indicated by Palliser's desire to 'be of some humble use' and the mention of the child taken in by Karenin. Tolstoy may have been attracted to *The Prime Minister* by Trollope's deep and precise psychological analysis as the English novelist traces in detail the 'mechanism' of the insensitive character's transformation. The Russian writer could also have been interested in the traditions of the political novel as a genre: following Trollope, he tries to show the influence of politics on the character and spiritual evolution of man. The paper concludes that the points of intersection between the two characters of statesmen are another piece of evidence of Tolstoy's close attention to English literature, which, to a large extent, formed the concept of his most 'English' novel *Anna Karenina*.

Key words: Leo Tolstoy; Anthony Trollope; character of a statesman; psychologism; political novel.